

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-75-88

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО НА ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РЫНКА НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Светлана Александровна Тихоновская

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

tihonovskova@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 567358, SPIN-код: 7820-0054

Аннотация. *Цель исследования* заключается в осмыслении академического лидерства как механизма преодоления технологического и цифрового неравенства в условиях развития рынка новой экономики.

Методология исследования содержит наложения теории постиндустриализма, информационного общества, общества риска, глобализации. Подход исследуемой проблемы связан с принятием схем классической и неклассической рациональности, учитывая, что субъекты образования и науки как носители определенных познавательных и методологических программ стремятся выделить самое существенное и теоретико-методологический выбор определяется тем, что в него будут вноситься новые коррективы.

Результаты исследования. Данная статья содержит попытку осмыслить феномен социального лидерства в динамике социальных и экономических преобразований в российском обществе, тем самым расширяя пространство исследования перспективам интеграции науки и высшего образования, непрерывности перемен на региональном уровне и выходам на преодоление социально-территориальных неравенств посредством включения академического лидерства как механизма преодоления технологического и цифрового неравенства. Результат исследования заключается в том, что в системе высшего образования достигнута критическая масса субъектов, соединяющих творческий потенциал и технологическое знание, что отвечает запросам новой экономики как экономики знания.

Перспектива исследования связана с дальнейшим осмыслением академического лидерства как механизма социального развития в условиях рынка новой экономики.

Ключевые слова: академическое лидерство, технологическое и цифровое неравенство, рынок новой экономики, глобализация, конкуренция, субъекты академического лидерства, общество знания

Для цитирования: Тихоновская С. А. Академическое лидерство на путях преодоления технологического и цифрового неравенства в условиях развития рынка новой экономики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 75–88. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-75-88>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ

Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Original article

ACADEMIC LEADERSHIP ON WAYS TO OVERCOME TECHNOLOGICAL AND DIGITAL INEQUALITY IN THE CONDITIONS OF THE NEW ECONOMY MARKET DEVELOPMENT

Svetlana A. Tikhonovskova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
tikhonovskova@yandex.ru, AuthorID RSCI: 567358, SPIN: 7820-0054*

Abstract. *The purpose of the study is to understand academic leadership as a mechanism for overcoming technological and digital inequality in the conditions of the development of the new economy market.*

The research methodology contains layers of the theory of postindustrialism, information society, risk society, globalization. The approach of the problem under study is associated with the adoption of classical and non-classical rationality schemes, given that the subjects of education and science as carriers of certain cognitive and methodological programs tend to highlight the most essential and the theoretical and methodological choice is determined by the fact that new adjustments will be made to it.

The results of the study. This article contains an attempt to comprehend the phenomenon of social leadership in the dynamics of social and economic transformations in Russian society, thereby expanding the research space to the prospects of integration of science and higher education, continuity of changes at the regional level and ways to overcome socio-territorial inequalities by including academic leadership as a mechanism to overcome technological and digital inequality. The result of the study is that a critical mass of subjects combining creativity and technological knowledge has been achieved in the higher education system, which meets the needs of the new economy as a knowledge economy.

The perspective of the research is connected with further understanding of academic leadership as a mechanism of social development in the conditions of the new economy market.

Keywords: *academic leadership, technological and digital inequality, new economy market, globalization, competition, subjects of academic leadership, knowledge society*

For citation: *Tikhonovskova S.A. Academic leadership on ways to overcome technological and digital inequality in the conditions of the new economy market development // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 75–88. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-75-88>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. Тема академического лидерства возникла в российском научном сообществе как новое значение социальных трансформаций в различных сферах общественной жизни, поскольку до сих пор существует мнение, что Российская Федерация занимает прочные и престижные позиции в мировом научном сообществе, если таковыми считать достижения в сферах освоения космоса, атомной энергетики, квантовой физики, органической химии, гуманитарного знания, которое до недавнего времени страдало синдромом рецессивности, освоения европоцентричных социально-гуманитарных схем.

Разумеется, краткое изложение проблемы не позволяет определить ситуацию в деталях, однако это не является необходимым в условиях вектора развития науки, техники и образования в рамках преодоления технологического и цифрового неравенства, которое связано с совокупностью факторов. Среди них решающую роль играет моносырьевой характер экономики, нацеленность на прагматику по критериям прибыльности и рентабельности. В то же время фундаментальная наука дает отложенную отдачу, требует немалых финансовых затрат и определяется качеством и количеством участников научного процесса. Российское население испытывают гордость в сфере отечественной науки и искусства, однако это остаточный синдром, вступающий в конфликт с реалиями научного и технического отставания. Данную досадную особенность отмечают российские экономисты, науковеды и социологи [1; 7; 8]. Вместе с тем эффект глобализации, в которую, несомненно, включена Российская Федерация, приводит к тому, что в мировом разделении труда страна занимает место поставщика сырьевых ресурсов, следовательно, продвижение в сфере науки и технологий по этой принимаемой схеме является для нашего общества затратным и бесперспективным. Поскольку российская бюджетная геополитика определяется несколько иными приоритетами, бюджет научного сообщества не достигает 15–20% принятых стандартов в мировой практике.

Вот почему так важно и актуально поставить вопросы о стимулирующих эффектах в развитии российской науки и образования. Первый заключается в том, что, продолжая

традицию фундаментализма отечественной науки, используя ее символический и престижный капитал, необходимо провести ревизию и мобилизацию имеющихся ресурсов. Затем следует определить пространство асимметричных ответов на вызовы времени, преодолеть тенденции запаздывающей модернизации и, избегая изоляционизма, определить сферы, в которых наука и образование могут дать мультипликативный эффект, то есть стать катализатором общенационального и регионального развития. В этом смысле существенную роль приобретает академическое лидерство, представляющее совокупность факторов и условий, которые работают в режиме интенсификации стратегический исследований путем включения системы высшего образования в научно-познавательный процесс.

Для этого имеются стартовые площадки на уровне отечественных университетов, являющихся флагманами разработок в рамках достижения технологического суверенитета как необходимого условия новой экономики. Здесь также следует понимать, что рынок новой экономики в российском варианте, если применять теорию «новой волны», проявляет себя как эпоха управления не вещами, а людьми. В российском контексте это означает, что доминирующим становится субъективный фактор, ориентированность на создание интеграционных схем, сотрудничество в научной и образовательной сферах, использование опыта российских вузовских центров. При этом следует отойти от шаблона о наступлении эпохи постиндустриализма, принять во внимание, что Россия остается страной с богатейшими природными ресурсами, особенно в наступивший период природно-климатических изменений. Тем самым вода наряду с нефтью, газом и минералами становится залогом устойчивого экономического и социального развития. Мечты о «зеленой» экономике становятся реальностью, если опираются на солидные финансовые ресурсы, а до тех пор являются удовольствием «мирового центра» и недоступны подавляющему большинству человечества.

Исходя из этого факта, необходимо сформулировать основные сферы влияния академического лидерства на преодоление технологического и цифрового неравенства, в рам-

ках новой экономики внеся коррективы в понимание новой экономики как совокупности факторов, которые определяют изменения в сфере новейших технологий социальных коммуникаций, дискурса научного знания. Очевидно, что на этом пути Россия может быть успешной, если найдет собственные асимметричные ответы, а не вступит в изматывающую и далеко не перспективную гонку с глобалистским сообществом. Актуальность заданной темы, таким образом, связана с решением концептуальных и социально прикладных задач, расстановкой «веера» целей и приоритетов и нахождением бифуркационных точек в развитии академического лидерства, которое является ключевым в период изменений в траектории науки, высшего образования и общества в целом. Предлагаемые исследователями сценарные прогнозы экономического развития основываются на фундаментальных теориях долгосрочного экономического развития как эволюции схемы мирохозяйственного уклада. Сложная картина технологических, социальных и мировоззренческих изменений имеет особенность в соревновании различных социально-экономических и социально-политических систем, где сфера высшего образования определяется масштабом стоящих перед ней задач. Не повторяя зарубежный концепт общества, основанного на знаниях, мы можем согласиться с тем обстоятельством, что политика в сфере высшего образования является фактором социально-экономического прогресса.

Методология исследования. Определяя проблемы лидерства в контексте негативных факторов, связанных с неравенством в доступе к технологическим и цифровым ресурсам, следует отметить, что при первом приближении проблема носит интегративный характер, не может быть сведена к монофактору и в то же время связана с комплексным подходом категоризации исследуемого пространства. Разумеется, намеченная цель нуждается в обосновании ее состоятельности в том, что дискурс исследуемой темы содержит наложения теории постиндустриализма, информационного общества, общества риска, глобализации. Указанные схемы, несмотря на сужение прогностической силы, влияют на парадигму исследования ученого

сообщества в современной ситуации. Признавая академическое лидерство в качестве вектора движения в сфере высшего образования, нельзя игнорировать сложившиеся тренды в сферах отечественной науки, образования. Это заставляет акцентировать внимание на исследовании на основе реального задела, который связан с работами российских ученых-социологов, специалистов в сфере высшего образования и историков интеллектуальной мысли [11; 13; 14].

Суммируя эти положения, можно говорить о том, что подход исследуемой проблемы связан с принятием схем классической и неклассической рациональности, учитывая, что субъекты образования и науки как носители определенных познавательных и методологических программ стремятся выделить самое существенное и теоретико-методологический выбор определяется тем, что в него будут вноситься новые коррективы. Конкретизируя это положение, следует говорить о том, что обращение к субъекту предполагает изменение сознания, совокупности установок, представлений и образов в академическом лидерстве и связанных с ним понятиями. Отмечая, что каждый раздел имеет уже сформировавшийся контур категоризации, можно утверждать, что существует необходимость выделить следующее методологические подходы и обосновать самостоятельный методологический выбор. Речь идет о том, что академическое лидерство, разработанное в недрах классической философии и образования, используется в качестве исходного, где разрешение проблемной ситуации сосредоточено в сфере творчества. Однако новая реальность состоит в том, что есть аргументация переноса в технологическую сферу.

Этот важный момент определяется тем, что желательным является совмещение концептуального и прикладного аспекта исследования, определенным аналитическим объяснительным и прогностическим потенциалом. Это приводит нас к структурно-деятельностному подходу, основывающемуся на выдвинутых П. Бурдье положениях о ресурсности, капитализации, конвертации капиталов, которые снимают напряженность субъективно-объективной дилеммы [5]. Однако в качестве важного замечания следует отметить, что отечественная система образования в контек-

сте ухода от коммерциализации и глобализации на первый план выдвинула понимание необходимости ее инновационной миссии, ее применение к общественным потребностям и национальным интересам.

Необходимо отметить, что признание структурно-деятельностного подхода как концептуального выбора несет в качестве последствия изучение структурных признаков академического лидерства (организационные, кадровые, управленческие ресурсы высшего образования) и деятельностного (деятельностная мотивация, ценностная ориентация, горизонты сценарного мышления). Разумеется, в рамках изложенной темы мы не претендуем на масштабирование, в поле нашего интереса входит социально-пространственная логика. Здесь имеется важное замечание, которое заключается в том, что в качестве аксиомы принимается отечественное высшее образование, инвариантность альянса образования и науки, обоснование эстафетности академического лидерства в качестве надежного инструмента поддержки стратегии технологических и цифровых инноваций в экономике Российской Федерации.

По нашему предположению, исследуемыми являются устойчивые связи между академическим лидерством и возложенной на него миссией по минимизации рисков цифрового и технологического неравенств в контексте развития новой инновационной экономики. Это важно в контексте того, что новая экономика является моделью замещения сырьевой моноэкономики, достижения технологического суверенитета страны, без которого невозможно развитие России. По существу, расположение категориального ряда предполагает анализ субдоминантных понятий, чтобы выйти на принцип научной индукции по осмыслению академического лидерства.

Вероятно, существует и альтернатива в виде классической формулы, так как понятие лидерства является динамичным, связанным с обращением к цифровизации и технологизации. Таким образом, здесь начинает играть немалую роль социальная и региональная дифференциации, аргументируемым представляется заполнение эпистемологических пустот, выявление конкурентности и ресурсности новой экономики через призму новых импуль-

сов в развитии высшего образования. Однако роль структурных факторов не может быть недооценена, потому что действующие практики в сфере образования определяются его ресурсной базой и ролью субъектов высшего образования. Конкретнее — это связь понимания акторов, то есть индивидов, действующих в определенном «поле» логики анализа, которые основываются на специфике структуры объяснения, то есть на последовательном переходе к систематизированному объяснению и описанию академического лидерств.

Содержание. Академическое лидерство как новая реальность отечественного высшего образования возникло внезапно: оно в какой-то степени не вмешивается в обычное представление об академизме, следовательно, это вызывает дискуссию о содержательности данного понятия. Как отмечают российские эпистемологи, существует переход от политики науки к политике знания, означающий особый вывод субъекта знания в системе высшего образования, поскольку высшая школа не утратила когнитивную функцию [9]. В случае науки действует фактор институциональной инерции, что выявляется в самом наборе академических институтов, которые вынуждены находиться в состоянии конкурентности с флагами вузовской системы, научно-исследовательских университетов.

Если в 90-х гг. XX в. «онаучивание» вузовской системы проходило в рамках перехода научных работников из испытывающих трудности академических структур как средство совместительства и подработки, то в современной ситуации вузы формируют структурные ресурсы на уровне государственной образовательной политики и в сфере самостоятельной образовательной программы.

Если традиционная научная политика имеет тенденцию сосредотачиваться на отдельных проблемах, то вузовская система способна к освоению междисциплинарного знания, имеет опыт сотрудничества и интеграции различных научно-исследовательских комплексов, хотя никто не отменяет социализационную функцию вузов. Предположим, академическое лидерство основывается на эффективной политике знания, на том, что различие между академической наукой и высшим образованием состоит в конвер-

сии фундаментального знания в практику, то есть нахождении компромисса между критерием объективности и инструментализма. В конечном счете согласимся с положением, что преобладание технонауки, цифровых технологий, позволяет развиваться креативному потенциалу человека технологического, который является основным субъектом высшего образования [2]. Действительно, опыт многопрофессиональности вузов 90-х гг., основанной на сфере коммерческих услуг, привела впоследствии к утрате креативного потенциала вузовской системы, отказу от традиционного набора инженерного профиля, тем самым оставив в «выигрыше» вузы, в которых сохранились устойчивые технологические векторы и вместе с тем нашлись способы интеграции с академическими структурами (Томск, Новосибирск, Нижний Новгород).

Технологический суверенитет не является конвейерным воспроизводством как в эпоху индустриализации, а представляет ассортимент новых технологий, что выводит на политику знания в контексте академического лидерства. Сохраняя фундаментализм в качестве традиции системы отечественного образования, мы должны осознавать, что не существует мифического преимущества высшей школы, поскольку эта мифологизированность привела к определенному застою академической науки, в то время как вузы в силу факторов вынужденной адаптации не только получили негативные результаты коммерциализации и многопрофильности, но и сумели в результате правильно выбранной стратегии образования, опоры на государственную образовательную политику представить новые контуры академического лидерства.

Отмечая, что есть определенные издержки с созданием мегауниверситетов, где основной формой должно выступать государственно-частное партнерство, могло показаться, с организационной точки зрения, что выбор был сделан в пользу разделения между понятиями «национальный университет» в статусе федерального, в котором сохраняется тенденция комбинирования, и «исследовательский университет» как центр подготовки высококвалифицированных кадров. Вместе с тем очевидно, что не каждый

университет обладает возможностями для исследования, что особенно проявляется на внутрирегиональном и межрегиональном уровнях. С другой стороны, в современных социокультурных условиях интеграционные процессы науки и образования привели к эффекту корпоративных университетов (Газпром), действующих как частные структуры и в то же время использующих ресурсы подготовки специалистов государственных университетов. Не вдаваясь в правовые и административные подробности (это не является основной темой нашего исследования), отметим, что важным для академического лидерства является наличие критической массы лучших студентов и выдающихся преподавателей, то есть стартовая площадка академического лидерства, в качестве человеческого капитала.

Сложности с формированием академического лидерства в российской системе высшего образования проявляются в том, что на первое место ставятся не деятельностные, а структурные факторы, то есть обреченность на преднамеренную и непреднамеренную поддержку со стороны государственных институтов. Если говорить с уверенностью о том, что распределительная матрица между вузами сужается, то ее эффекты проявляются на региональных уровнях, когда речь идет об опорном вузе в образовательной системе региона. Это приводит к тому, что наблюдается спад статуса академического лидерства, когда опорный вуз обладает претензиями на лучшее финансирование по факту выбора руководством региона. Если даже это и не так, во что хотелось бы верить, запрос на академическое лидерство в большей степени определится мобилизованностью вуза на решение подобных амбициозных задач, существованием команды единомышленников, способных изменить ситуацию к лучшему, коридором возможностей подготовки лучших студентов. Но здесь вступают в действие структурные ограничения, связанные с тем, что лучшие студенты обладают достаточным семейным, культурным и социальным капиталом и для них важным становится совмещение критериев карьеры и успеха, а для вуза является престижным, если он обещает привлекательную исследовательскую карьеру как профессионально успешную, по представлению актора высшего образования (преподавателя).

Немецкий исследователь П. Козловски подчеркивает, что общество и государство находятся в состоянии неизбежного дуализма. Это в рамках нашего исследования стимулирует интерес к экономическому обоснованию академического лидерства, которое с одной стороны, говоря «рыночным» языком, является «бизнесом», с другой стороны — схемой естественного распределения свобод и прав личности [4]. Конечно, субъекты образовательного пространства никогда не могут быть уверенными в чистой нравственной и творческой мотивации своей деятельности, и большинство из них исходят из уверенности в том, что, участвуя в изменениях структуры и целей высшей школы, они остаются верными конкретным негласным «корпоративным» ценностям, т.е. следуют частным интересам. Но двойственность ситуации, которая действует в российском обществе, проявляется в синдроме монетизации человеческих отношений, поэтому академическое лидерство вызывает определенный интерес, и это позволяет думать и планировать в пространстве научных и образовательных проектов, имеющих «экономическое» обоснование.

Речь идет о том, что академическое лидерство в системе высшего образования и, мы повторяемся, не является воспроизведением традиционного академического лидерства, в котором ученые объективно находятся в «хрустальной башне», являются теоретиками по параметрам мышления и бытия, наподобие американских ученых, которые создали атомную бомбу и могли бы отказаться от собственной ответственности, но были рады возможности заниматься любимой наукой. Учитывая, что в российском обществе академические структуры на протяжении советского периода были включены в стратегическую систему государственной деятельности и наибольший авторитет и опережение имели разработчики и конструкторы базисных для государства схем обороны и безопасности, отечественное высшее образование в постсоветский период развивалось по схеме коммерциализации образовательных услуг, так как по характеру налоговой и бюджетной политик они поощрялись, что объективно определяло выбор собственного вида образовательной деятельности.

В это время государственная образовательная политика в целом была направлена на компенсаторную миссию: с одной стороны, высшее образование сохраняло капитал престижности, с другой — становилось билетом на поезд в никуда. При реальных темпах деиндустриализации базисные технические университеты выпускали массу специалистов, готовых к перемене профессии, учитывая не самый качественный уровень профессиональной подготовки в условиях старения кадрового потенциала недофинансирования или финансирования по остаточному принципу, прихода поколения менеджеров в структуры, осуществляющие политику в отношении высшего образования.

В сложившейся ситуации академическое лидерство могло бы восприниматься как проект легитимации претензий на получение постоянного финансирования и поддержку исследовательских проектов. Вероятно, этот фактор следует учитывать как вмешательство имитационной направленности в реальной оценке лидерского потенциала вузов.

В связи с этим в качестве аргумента можно привести анализ трендов к становлению академического лидерства в отечественном высшем образовании на основании как пространственного, так и поведенческого аспектов, что подтверждается избранной методологией исследования. Очевидно, что инициатива академического лидерства принадлежала структурам высшего образования, в которых была осуществлена попытка интегрировать объективные обстоятельства, накопленные вузом ресурсы в контексте коммерциализации образовательных услуг и субъективный приход в вузовскую систему амбициозных лидеров, прилагающих усилия для создания координированных действий во всех сферах вузовской деятельности, когда научно-исследовательская работа включается в состав конкретных программ, реализуемых вузом. Нельзя с высокой степенью уверенности утверждать, что данная нормативная картина затемнялась в отстающих вузах господствовавшей апатией и нежеланием перемен. Если полагать, что академическое лидерство в системе высшего образования является многофакторным явлением, то играет свою роль социально-территориальная дифференциация вузов: «городские» и «провинциальные» вузы

подвержены рискам отставания и стагнации в результате хронического недофинансирования, перевода на региональный бюджет, дефицита энергичного кадрового резерва, когда после окончания вузы талантливая молодежь отказывается от преподавательской и научной карьеры в силу обстоятельств, проявляющихся в базовых сферах производства, где молодому человеку приходится сталкиваться с диспропорциональностью его социальной акселерации и закреплённой за ним социально-профессиональной роли.

Здесь важно учитывать соотношение эффектов глобализации, национализации и регионализации. Современный глобальный капитализм при все возрастающих надеждах о ломке старого социально-экономического и политического порядка имеет немалые ресурсы влияния на большинство стран мира, поскольку движение антиглобалистов сошло на нет, а это касается и образовательной системы, где сосредоточены усилия на подготовке глобалистских элит, что свидетельствует о сложностях, стоящих на пути прогресса лидерства в отечественном высшем образовании.

Воспроизводимая рейтинговая система, несмотря на определенные шаги, принимаемые с целью реальной оценки потенциала российских вузов, не перестала быть инструментом дискриминации, когда передовые российские вузы, составляющие гордость нашего образования, занимают скромные позиции во второй и третьей сотнях. Проблема не состоит в том, чтобы создать систему не критического восхваления, а восходит к тому, что действующие рейтинги становятся дискурсом бездействия и апатии, неумеренного принижения отечественной вузовской системы и зависимость колониального образовательного дискурса.

Это усиливается с эффектом реальных цифровых и технологических неравенств тем, что под влиянием по существу постколониальной формулы общества, «основанного на знаниях», российские вузы вынуждены вступить в соревнование по признанным критериям качества высшего образования и в этом смысле предопределённым образом имеют позицию спринтеров «в колодках» [3]. Сами авторы концепции общества, основанного на образовании, демонстрируют пример университетов и институтов в регионах

с концентрацией высокотехнологического производства: эффект Силиконовой долины в Калифорнии, Бангалор в индийском штате Карнатака, а для Российской Федерации возникли собственные аналоги — Иннополис в Татарстане, Сколково в Подмосковье. Но здесь есть немаловажная деталь: следуя по пути создания инновационных образовательных центров по зарубежной схеме, игнорируется опыт советских наукоградов, которые по сравнению с перспективами Сколково адаптированы к российским экономическим и социальным реалиям и осуществляют подготовку профессиональных специалистов с направленностью на академический профиль ещё с 50-х гг. XX в.

В условиях активных действий образовательных ТНК и жесткой конкуренции на этом рынке, как отмечают российские исследователи, нельзя тратить время на приведение образовательных и исследовательских программ по международным стандартам, что является потерей времени и стимулом в дальнейшем отставании. Поэтому реальным представляется преодоление технологического и цифрового неравенства через опору на собственные силы при включении двух- и многосторонних договоров с университетами дружественных стран (Китай, Индия, Иран, Бразилия). Можно говорить о том, что академическое лидерство в российском высшем образовании имеет опыт указанных образовательных сообществ, которые полезны тем, что они прошли или проходят путь преодоления неравенств в контексте дискриминации или нечестной конкуренции со стороны образовательных транснациональных корпораций.

Ещё 20 лет назад российские ученые Н. М. Дмитриев и А. М. Арефьев сделали вывод о том, что в условиях конкуренции рынка образовательных услуг отечественное образование проигрывает не только в силу инерции и консерватизма принятия решений, но и потому что не наблюдается стремлений создать единую систему профессиональной подготовки и переподготовки специалистов, где интерес к научной деятельности подчинен прохождению формальных критериев для повышения преподавательского статуса [6]. Можно дискутировать с предлагаемыми выводами по преодолению отставания рос-

сийского высшего образования в отмеченный период, но важным является другое: низкую информационную оснащенность и освоение информационных технологий следует отнести к ведомственной разделенности вузов.

Этот барьер преодолен в результате современных организационных воздействий в процессе перехода к статусной иерархии университетов при сохранении неравенства стартовых условий. Вероятно, вузы, работающие в реальном пространстве «цифры и технологий», имеют право на расширение инновационных проектов и поддержку усилий по приходу поколения людей «технологических».

В изложенном контексте академическое лидерство становится знаковым с надеждами на возвращение приоритета российской науки и образования, привлекательности для зарубежных адресатов и возможности делать «прорывы», опираясь на сферы автономии и компетентности. Важно, что академическое лидерство не может существовать вне партнерства с государством, а включение в этот процесс бизнес-структур нужно воспринимать с осторожным оптимизмом, поскольку в условиях национализации, государственного интервенционализма, крупный российский бизнес объективно вынужден работать в связке и с реализацией государственных целей, приоритетов. Оценка академического лидерства в системе высшего образования может быть поднята на уровень общенационального проекта. Правда, следует учитывать, что снижается уровень открытой конкуренции в региональном пространстве: преодоление технологического и цифрового неравенства, конечно, имеет пространственные характеристики в регионе, и действует правило региональной дифференциации и специализации — в регионе с агропроизводством ожидаем эффект от включения механизмов академического лидерства вузов, работающих в данном направлении.

Академическое лидерство является нормативным идеалом в системе высшего образования, и профессиональная миссия определяется, как мы отмечали ранее, реальными результатами выхода на технологический и цифровой процесс. В философии существует традиционная гуманистическая трактовка человеческих ресурсов, когда якобы человек становится средством для достиже-

ния неких надчеловеческих целей. Не акцентируя внимания на гуманистическом повороте на перспективе человека быть субъектом социального действия, защищать свои права и идентичность, следует говорить об академическом лидерстве как о переходе к человеку творческому и технологическому в рамках определения смыслов лидерства, устраняющих парадоксальность действия и мыслей субъектов высшего образования, связанного с когнитивной диссонантностью и функциональной неграмотностью.

Это обстоятельство заставляет взглянуть по-новому на задачи академического лидерства, где, как признают сторонники традиционного академизма, важными являются формы и методы работы с информацией, развития мышления и становления сознания. Реальное преодоление технологического и цифрового неравенства связано с тем, что в рамках академического лидерства появляются условия обеспечения цифровой и технологической компетентностью, потому что студенты и преподаватели, действующие в режиме воспроизводства массовых «индустриальных» профессий, не заинтересованы в ликвидации неравенств, так как они их воспринимают объективными, естественными, отвечающими логике рыночной экономики, где актуализирован миф об эффективном менеджере, но не об интеллектуальной элите.

В современном общественном сознании преобладает схема алгоритмизации жизненных целей, то есть лидерству необходим перевод на язык обыденной жизни, поскольку оно становится целью высшего образования. Вероятно, эффективность достижения поставленных целей зависит не от того, чтобы удовлетвориться консолидированностью всех, поскольку в структуре высшего учебного заведения оптимальным условием является создание ядра субъектов академического лидерства — 10–15% индивидов, нацеленных на то, чтобы разделять цели лидерства, переводить творческие инициативы на прикладные технологические решения. Как пример: вузы — центры интеллектуальной жизни региона. В этом контексте есть рациональность в том, чтобы, не отказываясь от поддержки университетов, в экономически отсталых районах сделать привычной схему сотрудничества «богатых» вузов с «бедными», то есть

реально обеспечить партнерские вузы по обмену кадрами, студентами, образовательными программами, совместными проектами.

Что касается последней, ее структура и масштабы в российском обществе не определяются схемой государственного интервенционализма и в отличие от западной либеральной модели не несут негативного содержания, связанного с государством, когда без серьезного обоснования утверждается, что все, имеющее приставку «государство», является предопределенно худшим по сравнению с частным. В России, прошедшей неоднозначный путь коммерциализации образовательных услуг, имелись издержки выпуска специалистов, и это породило эффект рыночного потребительства, такой «пасьянс» обстоятельств не внушает оптимизма по поводу временных и пространственных факторов академического лидерства, на первый взгляд. Реальные успехи в достижении академического лидерства связаны с приоритетностью структурных и деятельностных преобразований, деятельностной системы и запросами новой экономики, которая пока проявляется анклавно в российский регионах.

Это дает преимущество академическому лидерству, так как позволяет протестировать и продиагностировать технологические и цифровые проекты. Основываясь на результатах общероссийского социологического исследования «Столицы и регионы современной России» [12], можно сделать выводы о том, что, во-первых, академическое лидерство имеет благоприятные условия при определенном смещении ценностного противостояния, уходя от мифологии о прогрессивности столиц и затхлости регионов, региональные вузы в состоянии конкурировать со столичными по степени эффективности и конкретности результатов при преодолении технологического и цифрового неравенства. Во-вторых, показатели использования информационных технологий в регионах, влияние социальных сетей имеют разнонаправленное влияние: с одной стороны, социальные сети нельзя квалифицировать как запрос на ликвидацию неравенств, поскольку их основание имеет характер социальной релаксации, с другой — повышается уровень цифровой и технологической компетентности. Как следствие — социальная релаксация,

снижающая синдромы зависти и неполноценности жизни в регионе. Это в очередной раз свидетельствует о том, что академическое лидерство коррелируется по субъективным показателям, поскольку эта связь подтверждается тем, что лидерство как нормативная цель соотносится со стабильным социальным самочувствием и не является эксклюзивом для неудовлетворенных энтузиастов.

Заключение. Применительно к ситуации сложившейся в российском высшем образовании, имеет смысл подчеркнуть, что вузы как ресурсы центров выступают в качестве структур поддержки академического лидерства в российских регионах. За этой краткой фразой содержатся значительные социальные и экономические последствия, требования пересмотреть саму философию академического лидерства и отказаться от эклектического восприятия сферы высшего образования, которое через призму социально-территориальной дифференциации не стимулирует использование инновационных интеллектуальных технологий. Здесь также следует определиться с особенностями развития межвузовского сотрудничества регионов, чтобы декларировать заинтересованность партнёрских отношений. Тем самым нужно проигнорировать степень заинтересованности региональных элит, ее восприятие и продвинуть идеи академического лидерства в качестве включения механизмов ускорения регионального развития.

Не существует расхождения в том, что академическое лидерство является и общенациональным, и региональным проектом, поскольку Российская Федерация как страна регионов находится в периоде дихотомии центров и регионов, во многом симулируемой неравенством цифровых технологий. Необходимо отметить, что высшее образование в регионе может по инерции реализовать социальную (компенсирующую) функцию. Но это осложняет сотрудничество между «богатыми» и «бедными» университетами, поскольку богатые могут не испытывать интереса к выпускникам из бедных региональных университетов и в то же время искать деловые контакты вне России, часто являясь проводниками не самых передовых технологий, получаемых за рубежом.

Реальность состоит в том, что в современном глобальном мире, несмотря на провозглашение открытости и прозрачности, действует правило жесткой конкуренции и младший партнер заимствует технологии, становясь зависимым от поставщика или зависимым от локации. Этот факт является подтверждением того, что академическое лидерство в контексте преодоления цифрового и технологического неравенств определяет вектор новой экономики как движение на основе ресурсной базы регионов.

В соответствии с охарактеризованным выше теоретико-методологическим выбором исследования академическое лидерство высшего образования настроено на извлечение интеллектуальной ренты для российской общества и предполагает по мере продуктивности сокращение сырьевой зависимости. Это неоднократно повторяемое и воспринимаемое как тривиальное утверждение имеет социальную значимость, если с академическим лидерством будет запущен механизм мультипликативного эффекта, то будет обосновано преимущество нового экономического уклада на основе творческого потенциала академического лидерства и целерациональности новой экономики. Необходимые новые условия для академического лидерства высшего образования начали закладываться 2000-х гг. и получили одобрение в рамках современных внутренних и внешних вызовов, действуя на уровне инструментального разума. Переводя лидерство на язык современности, можно сказать, что это преодоление цифрового и технологического неравенства с эффективными средствами для решения проблем высшего образования и новой экономики.

Раскрывая логику происходящих процессов, можно предположить, что значение субъективного фактора является определяющим в том, что превращение из идеи в реальный проект характеризуется готовностью субъектов высшего образования к ресурсной мобилизации, к формированию общего контура целей и действия с государственными институтами, с реальными и воображаемыми трудностями, тревогами в контексте актуальной социально-экономической и политической ситуации.

В целом академическое лидерство находится в соотношении с выдвигаемыми на вы-

сшем государственном уровне проектами (по аналогии с проектом «Россия — страна возможностей»). Дискуссия по поводу концепции академического лидерства в российском высшем образовании касается набора альтернатив будущего высшей школы. Есть совпадение и единство взглядов в том, что требуется интеграция экономики и высшего образования, перевод с абстрагирования о творческом потенциале к результатам определяющим высшую школу как имеющую высокую рыночную стоимость конвертации образовательного капитала в экономический.

Если мы будем постоянно сожалеть об утерянном уникальном опыте традиционного академизма, это откроет ворота бесконечным дискуссиям. Смысл коммуникативной рациональности, адаптированной к современному миру, заключается в том, чтобы обосновать приоритетность академического лидерства в контексте модерна, где основной ценностью является вера в общественный прогресс через образование и науку [15]. Какой бы ни была смена угла зрения, это необходимо учитывать в ситуативной логике ситуативности, академическое лидерство открывает пространство проблем, неизбежно встающих на протяжении развития отечественного образования, разрыва между манифестированием целей и подчинением императиву актуального действия.

Это означает, что по существу академическое лидерство в сфере высшего образования содержит цель, средство и вектор действия, требующий интеграции науки и образования в рамках структурных и деятельностных перемен. Особенность российской системы высшего образования состоит в том, что она восприняла традиции фундаментализма знания в современных условиях, когда предлагается общество, которое основано на знании как факторе общественного экономического развития. Здесь следует актуализировать понимание роли субъекта академического лидерства, соединяющее творческий потенциал с технологическим, поскольку это соответствует технологизму российской школы и творчеству российской науки. Историческая память закрепила за наукой и образованием образ гордости, но в глобализирующемся мире гордость является мощным стимулом преобразования сферы высшей

школы. Как вывод — есть основания считать, что, несмотря на отмеченные барьеры, логика общенациональных и региональных интересов приводит к пониманию академического лидерства как долгосрочного стратегического проекта.

Традиционный подход, констатирующий связь между образованием и обществом как данностью, не требует критических оценок, осмысления академического лидерства в качестве конструируемой традиции, обращенной к исторической памяти как ответу на запрос сценарного мышления, анализу конкуренции в рамках образования, связанного с новой экономикой и вступлением субъектов в качестве активных игроков на современном глобальном рынке, поскольку образование не является функцией экономического порядка, академизация образовательных программ вносит коррективы в экономическую стратегию, и в этом значении преодоление препятствий технологического и цифрового неравенства является средством развития высшего образования при доминирующей идеологии академического лидерства. Можно дискутировать о разных стратегиях перехода к академическому лидерству, но, как показывает опыт преобразования между властью, экономикой и образованием, важно внушить осознание консолидированной деятельности и не дать простор для однозначных оценок. Другими словами, академическое лидерство, повторимся, не функционально в отношении новой экономики, но позволяет надеяться на преодоление пресловутой формулы «богатые богатеют, бедные — беднеют». Если цифровое и технологическое неравенство является реальными показателями, воспроизводимыми в обществе социальных диспропорций, то в таком случае можно сделать вывод о том, что концепция академического лидерства находится в рамках междисциплинарного анализа и в социально-прикладном смысле подчиняется инструментарию социальной диагностики и социальной экспертизы.

Список источников

1. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. М.: Проспект, 2022. 416 с.
2. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума // Speciosa

Miracula: тотальный муравейник: монография. М.: Проспект, 2020. 160 с.

3. Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Под ред. С.А. Шароновой, Н.В. Трубниковой. М.: РУНД, 2017. 229 с.

4. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.

5. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

6. Очерки по философии образования: учебное пособие / О.В. Долженко. М.: Промо-Медиа, 1995. 240 с.

7. Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. Вып. 11 / Отв. ред. А.О. Боронов. СПб.: Астерион, 2016. 256 с.

8. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2001. 640 с.

9. Сорокина Н.Д. Образование в современном мире (социологический анализ): монография. М.: Экономика и финансы, 2004. 224 с.

10. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 712 с.

11. Социальное мышление и деятельность: влияние новых интеллектуальных технологий / Труды Института системного анализа Российской академии наук. М.: Едиториал УРСС, 2004. 464 с.

12. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

13. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.

14. Философия науки и техники: учебное пособие / В.С. Степин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.

15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

References

1. Glaz'ev S. Ju. Za gorizontom konca istorii: monografija [Beyond the horizon of the end of history: monograph]. Moscow: Prospekt, 2022. 416 p. (In Russ.).

2. Il'in V.V. Teorija poznanija. Kritika instrumental'nogo razuma [Theory of cognition. Criticism of instrumental reason]. Speciosa Miracula: total'nyj muravejnik: monografija [Speciosa Miracula: Total anthill: monograph]. Moscow: Prospekt, 2020. 160 p. (In Russ.).
3. Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografija [Intellectual colonialism in the global educational market: monograph]. Pod red. S.A. Sharonovoj, N.V. Trubnikovoj [In S.A. Sharonova, N.V. Trubnikova (eds.)]. Moscow: RUND, 2017. 229 p. (In Russ.).
4. Kozlovski P. Obshhestvo i gosudarstvo: neizbezhnyj dualizm [Society and the state: inevitable dualism]. Moscow: Respublika, 1998. 368 p. (In Russ.).
5. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija [The new post-industrial wave in the West. Anthology]. Pod red. V.L. Inozemtseva [In V.L. Inozemtsev (eds.)]. Moscow: Academia, 1999. 640 p. (In Russ.).
6. Oчерки по философии образования: учебное пособие [Essays on the philosophy of education: textbook]. O.V. Dolzhenko. Moscow: Promo-Media, 1995. 240 p. (In Russ.).
7. Problemy teoreticheskoy sociologii: mezhvuz. sb. Vyp. 11 [Problems of theoretical sociology: interuniversity collection. Issue 11]. Otv. red. A.O. Boronoev [In A.O. Boronoev (eds.)]. Saint Petersburg: Asterion, 2016. 256 p. (In Russ.).
8. Rossiya: transformirujushheesja obshhestvo [Russia: a transforming society]. Pod red. V.A. Jadova [In V.A. Yadov (eds.)]. Moscow: KANON-Press-C, 2001. 640 p. (In Russ.).
9. Sorokina N.D. Obrazovanie v sovremenom mire (sociologicheskij analiz): monografija [Education in the modern world (sociological analysis): monograph]. Moscow: Jekonomika i finansy, 2004. 224 p. (In Russ.).
10. Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy [Social epistemology: ideas, methods, programs]. Pod red. I.T. Kasavina [In I.T. Kasavin (eds.)]. Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitacija», 2010. 712 p. (In Russ.).
11. Social'noe myshlenie i dejatel'nost': vlijanie novyh intellektual'nyh tehnologij [Social thinking and activity: the impact of new intellectual technologies]. Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 464 p. (In Russ.).
12. Stolicy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pjatnadcat' let spustja [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later]. Otv. red. M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova [In M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2018. 312 p. (In Russ.).
13. Toshhenko Zh. T. Paradoksal'nyj chelovek [Paradoxical man]. Moscow: Gardariki, 2001. 398 p. (In Russ.).
14. Filosofija nauki i tehniki: uchebnoe posobie [Philosophy of science and technology: textbook]. V.S. Stepin, V.G. Gorohov, M.A. Rozov. Moscow: Kontakt-Al'fa, 1995. 384 p. (In Russ.).
15. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne [Philosophical discourse on modernity]. Moscow: Ves' Mir, 2003. 416 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 08.10.2022; принята к публикации 11.10.2022.
The article was submitted on 25.09.2022; approved after reviewing on 08.10.2022; accepted for publication on 11.10.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихоновская Светлана Александровна — кандидат экономических наук, доцент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.
Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana A. Tihonovskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).
132 Prosveshchenya st., Novocherkassk, Russia